

Михаил КОТЕЛЬНИКОВ

Идеологические издержки ленинской полемики с народниками

«Мы намерены поставить вопрос на практическую почву ближайших и насущных нужд современности и с этой, *умышленно* суженной, точки зрения оценить народническую программу».¹

Аннотация. В отечественной историографии советского периода аксиоматически однозначным выглядело утверждение о том, что ожесточенная борьба с народничеством на этапе становления ленинизма носила *научно-доказательный* характер и выступала важнейшим условием и *закономерностью* распространения марксизма на российской почве. Однако согласиться (с некоторыми оговорками) со вторым из приведенных тезисов можно сегодня лишь в той мере, в какой поставлен под сомнение первый.

Ключевые слова: марксизм ортодоксальный, «русский», «критический», «легальный», народничество, идеологизация, формационная теория, патриархальный социализм, общинное сознание, частная собственность, некапиталистический путь развития, «условная» поддержка крестьянства, торговый и ростовщический капитал, «мелкобуржуазный» уклад, семейное трудовое хозяйство, «моральная экономика», «раскрестьянивание», «пролетаризация» крестьянства, кооперация, цивилизационная и ментальная идентичность, «диктатура пролетариата», «диктатура пролетариата и крестьянства», внеэкономическое принуждение, «прусский» и «американский» пути аграрного развития экономики, мелкая и крупная земельная собственность, «первобытный коммунизм», «артельное начало», социализация земли, столыпинские реформы, меньшевизм, дух и буква марксизма.

Адресуемые Ленину «творческое понимание марксизма» и «научный анализ действительных противоречий капитализма» имеют, разумеется, своим методологическим основанием общесоциологическую теорию марксизма. Но сформулированные им выводы отнюдь не претендуют на оригинальность, ибо Ленин стремится доказать на «русском примере» истинность марксистской «доктрины». Многократно подчеркивая *принципиальное* соответствие «действительного процесса» капитализации России европейским «формационным» стандартам, он решает эту задачу ценой последовательной и вполне *легитимной* редукции социологического знания к его идеологической проекции. Именно такого рода подмена в советский период и подается в качестве образца *научного* исследования. Парадоксальность ситуации заключается, по справедливому замечанию П.Б. Струве, в том, что именно «русскими условиями объясняется цепляние Ленина... как раз за *те положения марксизма*, которые *абстрактно* (или по отношению к Западу середины XIX в.) верны, а по отношению к России конца XIX и начала XX в. - *ошибочны*».¹ (Курсив мой. - М.К.)

¹ Ленин В.И. Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности // ПСС. Т 2. С. 413.

Примечательно то, что начало ленинского этапа хронологически *совпадает* с возникновением «легального» или «критического» марксизма, который в лице П.Б. Струве пытался, по словам Ленина, «критиковать народничество просто как теорию, неправильно указывающую пути для отечества». Общее неприятие народнической идеологии, способствуя временной консолидации и частичному «примирению» радикального и «критического» полюсов русского марксизма, завершилось глубочайшим идейно-теоретическим расколом российского и международного социал-демократического движения. Поскольку его последствия не преодолены и поныне, чрезвычайно важно разобраться если не во всех нюансах полемики более чем столетней давности, то, по крайней мере, в принципиальных теоретических расхождениях. Необходимо выяснить, в частности, почему, несмотря на заявленную большевиками *теоретическую несостоятельность* народнической идеологии, а также их очевидное *противостояние марксизму*, ленинизм явился, по выражению П.Б. Струве, в сущности, «лишь особой перелицовкой народничества».

«Исправляя» допущенные народниками «ошибки», большевики, как отмечают отечественные исследователи, воплотили впоследствии в практике социалистического строительства как раз весь набор критикуемых Лениным народнических идей. Это и болезненная «аллергическая» реакция на капитализм в «чистом виде», и народническая идеологема об особой миссии русской интеллигенции, до неузнаваемости преобразившаяся в идею партии «нового типа» («организующую» и «направляющую» силу общества), и сохранение в модифицированном варианте все той же русской общинно-государственной ² самобытности.¹ Поднятый на щит народничеством и заимствованный ортодоксальным «русским марксизмом», этот по-разному осмысливаемый комплекс сложнейших теоретических проблем отнюдь не исчерпывался, следовательно, его исторически преходящим *идеологическим* содержанием, анализу которого Ленин уделяет преимущественное внимание.

Теоретическая реконструкция всех этапов ленинского оппонирования народничеству представляет собой все еще недостаточно

² Струве П.Б. Против ортодоксальной нетерпимости - prodomosua // «Мир Божий», 1901, № 3.

изученный пласт российской истории, который может быть воспроизведен лишь общими усилиями обществоведов, обогащенных опытом его постсоветского переосмысления. Поэтому в рамках краткого исследования целесообразно ограничиться постановкой наиболее значимых и дискуссионных вопросов, непосредственно затрагивающих логику исторического развития марксизма.

Ленинский вариант решения проблемы «самобытности» России, отрицание которой послужило исходным пунктом и важнейшей причиной его разногласий с народниками, можно с полным правом причислить к многочисленным парадоксам, выявляющимся в теоретическом анализе летописи новейшей отечественной истории. Казалось бы, в полемике с ними Ленин явно не желает по идеологическим соображениям ставить национальную специфику во главу угла. В то же время, обладая, по выражению Бердяева, «исключительной чуткостью к исторической ситуации», безусловно, принимает в расчет и особенности российской экономики, и геополитический фактор, точно также как на практике придерживается обусловленной ими первичности *социологизированной* системы ценностей в шкале российской ментальности.

Объяснение столь противоречивой позиции просматривается в том, что народники, настаивая на выборе Россией некапиталистического пути развития, односторонне делали ставку на значимость сохранения ее *цивилизационных* параметров, в то время как с ленинской точки зрения определяющими, казалось бы, являются *формационные*. Однако Ленина нельзя «упрекнуть» и в «слишком жестком», как пишет С.Г. Кара-Мурза, применении формационного подхода, якобы выступающем «общей ошибкой» всех марксистов.^{3 4} В отличие от представителей неортодоксального направления, в его намерения не входила «поездка» по формационному «маршруту» до конечной остановки: свою задачу он видел в том, чтобы, выбрав подходящий момент, сойти на «полпути».

Отношение ортодоксальных марксистов к своему официально признаваемому «наследству» - традициям революционных демократов 60-70-х годов, с одной стороны, и к народничеству - с другой, - носит значительно более сложный характер, чем это можно себе представить,

3 См.: Жукоцкий В.Д. Народнические корни ленинизма: «хитрость разума» или «ирония истории»? // Вопросы философии. 2001. № 12. С. 52, 64, 51.

4 См.: Кара-Мурза С.Г. Столыпин - отец русской революции. М., 2003. С. 27.

основываясь на содержании посвященных ему ленинских «Экономических этюдов и статей» 1898 г Их фундаментальным обобщением в 90-е гг XIX в., явилась работа «Развитие капитализма в России» (1899 г), над которой Ленин работал свыше трех лет. Поставив целью своего теоретического исследования «рассмотреть..., как складывается внутренний рынок для русского капитализма», он попытался «изобразить *весь* процесс развития капитализма в России *в его целом*», не довольствуясь в критике взглядов народников «разбором ошибок» и апелляцией к фактам во избежание возможного возражения в их «произвольном» подборе. Поскольку «автор отнюдь не скрывает от себя трудности и даже опасности брать столь широкую тему», он вводит в свое исследование ряд нормативных «допусков», в частности, обязательство ограничиться «исключительно одной экономической стороной процесса».⁵ И, тем не менее, даже с учетом соблюдения требований формально-процессуального характера проделанная им работа вряд ли соответствует статусу *научной* вследствие явной и даже *не скрываемой им самим* идеологической тенденциозности. Положение не спасает даже используемый им громадный массив статистических данных, равно как и допущенные оппонентами теоретические ошибки. Ведь фактический материал, если, разумеется, не придерживаться позитивистской ориентации, не освобождает от необходимости его *адекватной интерпретации*, а разоблачение несостоятельности доктринальных положений не является «симметричным» подтверждением истинности всех выводов, вытекающих из противоположных убеждений.

Уязвимость критикуемой Лениным народнической программы обнаруживается, в конечном счете, вовсе не в установке на «самобытность» России, а в *недиалектическом противопоставлении* ее общей логике исторического процесса. В теоретически неадекватной («сентиментально-романтической») форме народники пытались выразить выявленные ими в общинном типе социальности некие *онтологические* его основания - «силу устоев» (по выражению Ленина, «устоев рутины и застоя»). Фактически же вопрос сводился к тому, способно ли общинное крестьянство в условиях рыночных отношений «встроиться» в индустриальную цивилизацию. Парадоксально, но положительный ответ

⁵ Ленин В.И. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности // ПСС. Т. 3. С. 5,6.

на него был дан в свое время еще известным славянофилом А.С. Хомяковым. Поэтому если рассматривать народническую доктрину *некапиталистического* пути развития как версию «неподражания» во всем Западу в ее пафосе различимо не только утопическое, но и рациональное зерно.

В анализе классовых и гносеологических корней народнической идеологии Ленин указывает на свойственную им ущербность: не умея достаточно

убедительно объяснить уже фактически имеющий место классовый антагонизм внутри общины, «резонерствующие» народники *субъективно* по-прежнему считают себя выразителями интересов крестьянства в целом. В силу того, что общинная форма землепользования еще не разрушена *окончательно*, они *продолжают* «мечтать» об альтернативном капиталистическому пути развития. Они, следовательно, сохраняют ту же «веру» в общину, которая была свойственна и Марксу, обратившему самое пристальное внимание на потенциал

«коллективного элемента», представленного в ее «конститутивной форме».

В ситуации *выбора* между интересами крестьянина-общинника, нуждающегося в помощи со стороны государства и прогрессивных общественнополитических движений, и зарождающегося пролетариата, призванного осуществить свою «всемирно-историческую миссию», никакого сочувствия к *исторически обреченной* русской общине Ленин уже не проявляет. Все «ходячие возражения» народников, уповающих на «общинную» самобытность, снимаются им на том основании, что «путь» уже выбран, что господство капитала факт, от которого нельзя отговориться попреками и осуждениями». «Самобытностью» России, как он полагает, народники лишь *осознанно прикрывают* господство буржуазных отношений в деревне.

Моральные императивы в пользу «выбора лучшего пути» наивно было бы, конечно, рассматривать в качестве научного обоснованного «руководства к действию». Хотя, с другой стороны, народническую идеологию было бы все же опрометчиво *всецело* приравнивать к разряду доктрин не только утопических, но и заведомо *реакционных*. Именно такого рода упрощением и страдает возводимый Лениным в абсолют

классовый подход. Марксист, по его словам, формулирует идеал «не как требование «науки», а как требование такого-то класса, порождаемого такими-то общественными отношениями».

Ленина, разумеется, нельзя отнести к числу антисциентистов. Но в экспликации целого ряда принципиальных теоретических положений научный подход у него отождествляется или, во всяком случае, *не отделяется* от классового. Практически это ведет к тому, что если не во всех случаях, то в конечном счете идеологический аспект *подчиняет* своему влиянию собственно научный. В отличие от него П.Б. Струве оставляет в тени классово-идеологический аспект анализа пореформенной России, предпочитая ему *панорамный* обзор капитализации в контексте выбора «иных путей для отечества». «Для легальных марксистов, - указывает в этой связи Н.А. Бердяев, - развитие капиталистической промышленности приобретало *самодавляющее* значение и революционноклассовая сторона марксизма отходила на *второй план*».⁶ (Курсив мой. - М.К.)

Как и Ленин, Струве не разделяет обеспокоенность народников за судьбу крестьянской общины даже при том, что в ее «дряхлом» облике проглядывают черты *патриархального социализма*. Но это не мешает ему именовать народничество «национальным социализмом», в то время как Ленин полагает, что «вместо «национальный» следовало бы сказать «крестьянский» - по отношению к старому русскому народничеству и «мещанский» - по отношению к современному». Термин «мещанский» он, по собственному разъяснению, употребляет «не в обыденном, а в политико-экономическом значении слова». Ленину важно подчеркнуть, что «учение об «ошибочности» русского капитализма и о возможности «свернуть с пути», опираясь на общину, объясняется не только идеологической, но и *гносеологической* причиной (отсутствием «реализма в вопросах социологических»), т.е. является абсурдным, беспочвенным в принципе. Хотя марксизм, как и народничество, представляет из себя *идеологию* «непосредственных производителей», народники *отделяют* от себя марксизм тем, что «превращаются из идеологов *крестьянства* в идеологов мелкой буржуазии», «все отличие» которых от марксистов «состоит в характере критики *русского капитализма*».

⁶ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 84.

Отношение Ленина к народникам на протяжении его четвертьвековой теоретико-политической деятельности не остается неизменным: оно варьируется, отражая под партийно-классовым прицелом и эволюцию во взглядах идеологов этого направления немарксистского социализма. Жизнь, как принято говорить, вносила свои коррективы, и Ленин в той или иной мере не мог с ними не считаться. Так, в 1899 г. он полагал, что хотя «наличность революционных элементов в крестьянстве не подлежит... ни малейшему сомнению», его, тем не менее, «безрассудно было бы выставлять *носителем* революционного движения» и потому «безумна была бы партия, которая *обусловила бы* революционность своего движения революционным настроением крестьянства». ¹ (Подчеркнуто мной. - М.К.) Радикализируя, т.е. доводя в духе ортодоксального марксизма до *nes plus ultra* понятие *революционности*, он серьезно заблуждается, полагая, что «по коренным свойствам» своего экономического положения «*ни на что самостоятельное* мелкая буржуазия [т.е. сама значительная, согласно используемой им самим системе критериев, часть крестьянства. - М.К.] не способна».

Будучи убежденным противником т.н. «либерального» народничества конца XIX в., Ленин позднее вынужден был считаться с революционной сущностью неонароднического проекта. В отличие от правого крыла, «левые» эсеры, как оказалось, всегда являлись барометром не только «колебаний» крестьянских масс, но также их «революционных настроений». De facto Ленин признал это в послеоктябрьский период, отмечая, «что среди левых эсеров всегда была внушительная часть за Советскую власть, т.е. принципиально все левые эсеры были за Советскую власть». ² Однако, беззастенчиво используя по сугубо прагматическим соображениям потенциал эсеровских программных положений (их «прогрессивность и революционность») в рекламируемой Лениным тактике «лабиринтов, соглашательства и компромиссов», эсерам было отказано, тем не менее, даже в праве «считать» себя социалистами.

Нельзя, разумеется, сбрасывать со счета то обстоятельство, что Ленин достаточно глубоко исследует идейно-теоретическое содержание народнической доктрины, выявляя при этом не только принципиальные

расхождения с марксизмом, но и *некоторые точки соприкосновения*. Он неоднократно повторяет, что «есть общие *исходные пункты* у народничества и марксизма», что не следует забывать «лучшие стороны народничества, к которым в некоторых отношениях *примыкает* и марксизм», что существуют «заветы старого русского народничества, *ценные* для марксизма», что общедемократическую программу следует проводить «точнее, *глубже и дальше*»³ (Курсив мой. - М.К.)^{7 8 9}

Выявляя «прогрессивную сторону» программных положений народников, Ленин в другом текстуальном фрагменте акцентирует внимание уже на «крайней *легкомысленности*» их отношения к практическим нуждам крестьянства: «Пускай лучше крестьяне продолжают застывать в своей рутинной, патриархальной форме быта, чем расчищать дорогу для капитализма в деревне» - так смотрит, в сущности, каждый народник».¹

Но обратим внимание, справедливости ради, и на то, как относятся к выполнению взятых на себя «повышенных» *общедемократических* обязательств их непримиримые оппоненты, насколько последовательно содействуют ортодоксальные марксисты выполнению мероприятий, направленных на «улучшение положения трудящегося и повышение его уровня потребностей». По словам Ленина, в отличие от народников, чья «деятельность сводится к той умеренной и аккуратной, казенно-либеральной деятельности, которая совершенно равносильна с филантропией,.. марксист отворачивается от этой мешанины», исходит «из презрительного отношения... к подобным мерам... В буржуазную деятельность они [марксисты. - М.К.] никогда не вложат своих рук, они всегда останутся по отношению к ней «зрителями».²

Именно поэтому Ленин отмежевывается от *безоговорочной* поддержки крестьянства (выдвинув тезис об «условной» его поддержке со стороны рабочего класса) и видит проблему в том, «как выработать именно такие требования, которые бы *не сбивались* на поддержку мелких хозяйчиков в капиталистическом обществе». Такое хозяйство, отмечает он, обречено на гибель самим ходом общественного развития и социал-демократы не собираются этому противодействовать. Они, разумеется,

7 Ленин В.И. Проект программы нашей партии // ПСС. Т 4. С. 228, 229.

8 Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // ПСС. Т 37. С. 307.

9 Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе)// ПСС. Т 1. С. 353, 411,530, 531.

должны содействовать и движению против остатков крепостничества, но гораздо больше заинтересованы в углублении классовой борьбы сельского пролетариата с сельской буржуазией.

Со многими сформулированными Лениным положениями следует согласиться, в том числе, конечно, и с тем, что «никакие особенности землевладения не могут, по самой сущности дела, составить *непреодолимого* препятствия для капитализма». Отсюда, как он обоснованно полагает, и ошибочность «самой постановки вопроса: община *или* капитализм». Однако все дело в том, что оппозиционность ленинской аргументации народнической в той ¹⁰ ¹¹ мере, в какой она строится по принципу *контрадикторности*, не отвечает требованиям *диалектической* логики. Поэтому если народники *идеализируют* общину, закрывая глаза на ее классовое расслоение, то он очевидным образом этот процесс *идеологизирует*, придавая ему завершенные формы и, как это ни парадоксально, также выдавая желаемое за действительное.

Фиксируя в качестве главного и коренного противоречие между «передовым промышленным и финансовым капитализмом» и «самой дикой деревней», Ленин, тем не менее, склонен был на первых порах значительно переоценивать уровень развития капитализма в аграрном секторе экономики, в чем сам признавался после революции 1905 - 1907 гг. Характеризуя принятую на II съезде аграрную программу РСДРП как «ошибочную», он указывает на то, что ее породила «*переоценка степени* апиталистического развития в русском земледелии... Остатки крепостничества в деревне оказались, - по его словам, - гораздо сильнее, чем мы думали.»¹² Вместе с тем, корректировка «разоблаченной» крестьянской революцией «ошибки» лишь подтвердила, по его словам, правоту общего «*направления* развития» и «марксистский анализ классов русского общества», а, следовательно, и сугубо пессимистическую оценку природы общинного крестьянства.

Явно завышенный Лениным уровень развития капитализма в российской деревне выразился в том, что, по его словам, решающая роль в сельскохозяйственном производстве уже теперь принадлежит

10 Ленин В.И. Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности. С. 534.

11 Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве С. 372, 373 - 374.

12 Ленин В.И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905 - 1907 годов // ПСС. Т. 16. С. 269.

крестьянской буржуазии, которая «численно. составляет небольшое меньшинство всего крестьянства,.. но по своему значению. является *безусловно преобладающей*. Она - *господин* современной деревни». Формулируя этот тезис, Ленин делает примечательное уточнение, опровергающее его собственное утверждение. «*В действительности, -* отмечает он далее, - *настоящими* господами современной деревни являются зачастую *не представители крестьянской буржуазии, а сельские ростовщики и соседние землевладельцы*». ¹³ (Курсив мой. - М.К.) Оказывается, для легитимации вышеприведенного вывода потребовалось «абстрагироваться» от факторов, «задерживающих» *разложение* крестьянства («кабала, ростовщичество, отработки и прочее»). Подобное абстрагирование от «анахронического» груза «далекого прошлого», в который уже проникли и прочно обосновались паразитирующие на нем новые общественные формы - торговый и ростовщический капитал, «представляется однако, - по его словам, - приемом вполне законным, ибо иначе нельзя изучать внутренний строй экономических отношений в крестьянстве».

Усмотрев в экономических отношениях «общинной» деревни лишь «*обыкновенный мелкобуржуазный уклад*», Ленин «наглядно и неопровержимо» ограничился в своем анализе исключительно его социально-классовой природой, скроенной к тому же по западноевропейской мерке. В этом он видел «*правильность* основного положения марксистов». Все остальные противоречия, наводящие на мысль о наличии «*особого уклада*» (т.н. «*трудовое начало*», «*народное производство*», «*соединение земледелия с промыслами*» и т.п.), он попросту оставляет в тени как не заслуживающие внимания «*искусственные воздействия*». Если народникам было свойственно «*умиленно превозносить* наш аграрный строй, сохраняющий общину и крестьянство и т.д.», то, «называя вещи их настоящим именем», полагает Ленин, было бы совершенно ошибочным не только противопоставлять его «*капиталистической организации земледелия*» на Западе, но и вообще говорить о каком-либо «*пресловутом отличии*» нашего «*общинного крестьянина*» от «*остзейского батрака* подобного типа».

На основании сугубо формальных признаков Ленин относит к

13 Ленин В.И. Развитие капитализма в России. С. 169, 179.

«одному экономическому типу» и ростовщика, и зажиточного крестьянина, объявляя «ни на чем не основанном» деление их на «кулака» (или «мироеда») и «хозяйственного мужика», по народнической классификации. Между тем, такое «воззрение», отражающее фактическое социальное неравенство, вовсе не относится к числу «предрассудков народничества».

Хотя зажиточное крестьянство, действительно, вкладывало деньги и в улучшение хозяйства, это явление было далеко не массовым. Роль капитала в русской общинной деревне в силу целого ряда факторов, вопреки ленинской оценке, исчерпывалась главным образом как раз «кабалой и ростовщичеством»: сдавать приобретаемую землю в аренду и жить на проценты на всем протяжении пореформенного периода было гораздо выгоднее,

чем заниматься

непосредственно

расширением

сельскохозяйственного

производства. В

обоснование своей точки зрения Ленин выдвигает аргумент, *дезавуирующий* идеологическую подоплеку теории «раскрестьянивания»: «Если бы капитал в нашей деревне бессилён был создать что-либо кроме кабалы и ростовщичества, *тогда бы мы не могли*, по данным о производстве ^{констатировать} разложение крестьянства, образование сельской буржуазии и сельского пролетариата, - *тогда бы все крестьянство представляло из себя довольно ровный тип придавленных нуждою хозяев*, среди которых выделялись бы лишь ростовщики...». ¹⁴ (Курсив мой. - М.К.] Но как раз столь уныло-однообразной и была картина пореформенной России, на фоне которой именно община (о чем Ленин умалчивал) продолжала оставаться для широчайших масс крестьянства если не единственным (наряду с расширяющейся кооперацией), то, по крайней мере, традиционным гарантом *выживания* его «в условиях новой, капиталистической эпохи».

В представлении «о крестьянстве вообще, как о чем-то антикапиталистическом», Ленин усматривает ущербность теоретической позиции народников. Однако, обращая внимание только на противоречия, порождаемые процессом утверждения «всякого» (т.е. западного) капитализма, столь же односторонне приходит к парадоксальному заключению: «Вопреки теориям, господствовавшим у нас в последние

полвека, русское общинное крестьянство - *не антагонист капитализма*, а, напротив, *самая глубокая и самая прочная основа его*». (Курсив мой. - М.К.). «Этому выводу», которое выглядит скорее полемически заостренным «от противного» сугубо идеологическим утверждением, чем научно обоснованным положением, он придавал «кардинальное значение не только в вопросе о капитализме в России, но и в вопросе о значении народнической доктрины вообще».¹⁵

Идеологическая зашоренность, выразившаяся у Ленина в аллергической реакции на частную собственность, помешала ему разглядеть в тот период в крестьянине не только потенциального и *реального* кооператора, но даже «представителя идеи труда» на том основании, что в качестве «мелкого буржуа» (т.е. собственника средств производства) он «*в силу этого становится на почву данных порядков*, в силу этого *примыкает некоторыми сторонами* своей жизни (и своих идей) к буржуазии».³ (Курсив мой. - М.К.) Искусственно расширяя, таким образом, классовые рамки последней, Ленин приходит к весьма произвольному, мягко говоря, умозаключению: «*Употребление наемного труда не является безусловно необходимым признаком мелкой сельской буржуазии...* Под эту категорию, - пишет он, - подходит *всякий* мелкий, покрывающий свои расходы самостоятельным хозяйством, товаропроизводитель при том условии, что общий строй хозяйства основан на... *капиталистических противоречиях...*»¹ (Курсив мой. - М.К.)

Прибегая к столь неадекватному с марксистской точки зрения толкованию *классовой сущности буржуазии «вообще»*, Ленин решительно отвлекается от «общинного духа», отвергая *целиком* эту «лирику». Но община была не просто хозяйственно-производственной единицей докапиталистической российской экономики, а выполняла, в конечном счете, важнейшую социокультурную (и в этом смысле - интегрирующую) функцию, «директивная» ликвидация которой имела бы катастрофические последствия для российского суперэтнуса. Разумеется, под влиянием проникающих в нее (хотя и не столь интенсивно, как полагал Ленин) рыночных отношений она не могла не приспособливаться к ним и этот период *адаптации* (а не тотального разрушения) определяет в новых

15 Там же. С. 165.

исторических условиях как продолжительность переходного периода, так и его прогрессивную направленность. Однако в этом отношении Россия была и остается гораздо ближе по своим ментальным параметрам к Востоку, нежели к Западу.

Рассматривая особенности модернизационного процесса в странах ЮгоВосточной Азии, В.Г. Федотова обращает внимание на свойственные им общие характеристики. «Общим, - пишет она, - является то, что весь этот регион развивается сегодня, *не ставя цели предварительной смены своей идентичности*, т.е. без *радикальной* смены своих социокультурных основ». (Курсив мой. - М.К.) Для понимания трагизма сделанного нашей страной выбора - безвозвратно упущенной возможности *органичного* перехода на индустриальную и постиндустриальную ступени развития, - весьма показателен прежде всего пример Японии.

Будучи еще более традиционным (и к тому же территориально обособленным, «закрытым») обществом, Япония после окончания Второй мировой войны предельно убедительно продемонстрировала всему миру колоссальный потенциал того, что Ленин однозначно именовал «азиатчиной». Этот весьма символический «вызов Азии» породил «новую возможность развития без разрушения собственной культуры» за счет сохранения обладавшей высокой солидарностью общины. Опыт японской модернизации, отмечает В.Г. Федотова, доказывает, что «через общину не менее успешно можно провести не старые ¹⁶ милитаристские, но новые демократические цели государства. *Община могла ответить на такую задачу лучше, чем еще не сформировавшийся индивид и еще не сложившееся гражданское общество.* Таким образом, после длительных и незавершенных попыток осуществить либеральную модель преобразований в своей стране, Япония, а затем и другие страны Юго-Восточной Азии обратились к применению западных технологий и собственной инновационной деятельности при сохранении тех своих социокультурных основ, которые *всегда рассматривались как препятствие* на пути перехода этих стран к современному состоянию». ¹ (Курсив мой. - М.К.)

Обращение к этому опыту как иллюстрации восточной мудрости (а не «азиатчины») дает ныне шанс существенно скорректировать

С.202.

16 Ленин В.И. Развитие капитализма в России. С. 308; см.: Там же. С. 169.

осуществляемый курс радикально-либеральных реформ с целью выхода страны из стратегического тупика. *Перспективы же оптимистического для России сценария капиталистического развития по западному образцу попросту не существует, ибо тотальная замена коллективистской системы ценностей индивидуалистической означает для нее, как и для Востока в целом, невозможную утрату цивилизационной идентичности, т.е. превышает порог допустимого в социальных преобразованиях.* Как ни странно, даже П.А. Столыпин предупреждал в 1908 г. прозападнически настроенных либералов о неизбежности разрушения России в качестве многонациональной евразийской державы после отсечения у русского орла «головой, обращенной на Восток».

Надо сказать, что при всей противоречивости ситуации, сложившейся в российском аграрном секторе экономики к началу XX в., прогнозы Маркса в значительной мере оправдывались уже постольку, поскольку кооперативное движение, возникшее непосредственно после реформы 1861 г., получило широкий размах. Уже к началу 80-х гг. (т.е. примерно ко времени написания Марксом ответа на письмо В.И. Засулич) его представляли около тысячи потребительских обществ и ссудо-сберегательных товариществ. В 1913 г. в России было более 30 тыс. кооперативов с общим числом членов более 10 млн. человек. «Динамика цифр показывает, что к 1915 году Россия вышла по числу кооперативов на второе место в мире после Германии...»^{17 18} В упрочении кредитных кооперативов в отличие от Запада, пишет С.Г Кара-Мурза, в России была велика и роль государства: «это

17 Федотова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. 2000. № 4. С. 20 - 21.

18 Олейников Ю.В. Природный фактор бытия российского социума. М., 2003. С. 203. Там же.

даже называлось «русской системой». К 1914 г. из 12 млн. членов кооперативов 9 млн. состояли в кредитных... Кооперация в России стала огромной системой самоорганизации, которая вовлекла в себя десятки миллионов человек».¹⁹

Значительный рост различных форм кооперации после столыпинских реформ отечественные ученые, в частности наиболее авторитетный из числа экономистов-аграрников В.Т. Рязанов, связывают с защитной, *охранительной реакцией* «общинно организованной деревни» на проникновение рыночных отношений. В.А. Косинский, П.П. Маслов и ряд других авторов обращали в своих работах внимание на феномен исключительной выживаемости крестьянского хозяйства, его уникальную способность адаптироваться к воздействию самых неблагоприятных социальных факторов. По мнению экономиста-аграрника А.В. Чаянова, олицетворявшего т.н. организационно-производственное направление экономической науки, прогресс в земледелии обеспечивается именно «устойчивостью» и жизнеспособностью крестьянского хозяйства, его *относительными преимуществами* перед крупным сельскохозяйственным производством, построенным «на капиталистических началах».

Решая так и оставшуюся неразгаданной западноевропейскими и российскими социал-демократами загадку притягательности «обреченного» в их глазах трудового крестьянского хозяйства, Чаянов писал о том, что ему «свойственны *иные мотивы* хозяйственной деятельности и даже *иное понимание* выгоды,.. так как оно *не капитал, а свой труд вкладывает в хозяйство*».²⁰

Важно подчеркнуть, что хотя, как отмечает Чаянов, природа земледельческой кооперации еще не получила в экономической науке адекватного теоретического истолкования, его собственные выводы не только не опровергали выявленную Марксом тенденцию к глобальной гегемонии капитала в мировом хозяйстве, но *конкретизировали* и *дополняли* сферу ее действия, способствуя нахождению *оптимальной* для национальной экономики формы аграрного производства.

Чаянов прямо указывает в этой связи, что было бы нелепо отрицать сформулированный Марксом «основной экономический закон»

19 Кара-Мурза С.Г. Указ. Соч. С. 17, 18.

20 Чаянов А.В. Избранные произведения. М., 1989. С. 181,205.

концентрации производства и собственности: «Очень многое из методов марксизма давно уже получило всеобщее признание, органически вошло в методику общественных наук и было бы в высшей степени смешным, если бы мы обошли их». Вместе с тем, установив, казалось бы, тотальное «господство над трудом» в масштабе всего

общества⁷ капитал наталкивается в сельском хозяйстве на непреодолимые для себя преграды (отсутствие устойчивых стимулов к расширенному воспроизводству), не может его «завоевать» и «предпочитает уходить... в промышленность».

И если в индустриальной сфере производства «один капиталист, - по словам Маркса, - побивает многих капиталистов», то в аграрном секторе экономики, напротив, как пишет Чаянов, «крупнокапиталистическое хозяйство само побивается трудовым. Таким образом, несмотря на всю свою мощь и «организующую силу», капитал, по мнению Чаянова, обнаруживает и пределы своего развития, выполняя в кооперативных предприятиях скорее «служебную роль», чем и определяется их «некапиталистический характер». Крестьянская же кооперация «постепенно становится одной из крупнейших основ современной народнохозяйственной жизни и. постепенно создает *в параллель капитализму* народнохозяйственную систему трудового кооперированного хозяйства, *не уместяющуюся в рамки* законов и явлений капиталистического строя и *сосуществующую с ним*». ¹ (Курсив мой. - М.К.)

Избегая, подобно П.Б. Струве, идеологизирующей установки в вопросе об исторических судьбах российского крестьянства, экономисту Чаянову удалось значительно поднять планку социологического анализа. Выдвинутые им теоретические положения если и не лишали полностью, то фактически ставили под сомнение научную ценность основополагающих постулатов, которыми руководствовался Ленин. Однако сам Чаянов предпочитал на этом не акцентировать, а, напротив, солидаризировался с ним в советский период там, где их позиции действительно совпадали. В частности, он, разумеется, не мог не разделять исходный ленинский тезис о *втягивании* крестьянского хозяйства в орбиту капиталистического способа производства. В то же время используемая Чаяновым диалектико-материалистическая методология объективно не «вписывалась» и в ленинский план кооперации российского крестьянства (в период нэпа). Это несовпадение имело место уже постольку, поскольку кооперация предполагала не только постепенность и экономическую целесообразность процесса, но и «устойчивость» семейного трудового хозяйства в качестве его неперемennого условия, а, следовательно, заведомо исключала монополию государственной собственности и

деструктивный прессинг «диктатуры пролетариата» как рычага внеэкономического принуждения.

В опровержении тезиса о *неоспоримом*, с точки зрения Ленина, превосходстве крупного земледелия над мелким Чаянов и выявляет допущенную идеологическую натяжку и непростительную теоретическую ошибку. «Говоря о *мелком и крупном* хозяйстве, - пишет он, - мы противопоставляем тем самым количество против количества же. На самом же деле мы имеем перед собою *качественное* противопоставление. Мы должны противопоставлять не мелкое и крупное производство, а хозяйство семейное и трудовое,.. с одной стороны, а с другой стороны - хозяйство капиталистическое, построенное на наемном труде. Далее, вникая в существо проблемы, должны признать, что между капиталистическим и трудовым земледелием, в сущности, никакой активной

борьбы не ведется. Перед нами скорее стоит проблема сравнительной выживаемости той или другой хозяйственной формы, сравнительной силы их сопротивляемости экономическим ударам и кризисам».¹ (Подчеркнуто мной. - М.К.)

Земля и для мелких крестьян, и для «громздного класса наемных рабочих с наделом» имела значение, конечно, не в качестве объекта *выгодного* вложения капитала (в этом отношении она и на Западе заведомо уступает прибыльности капиталистических промышленных предприятий), а как сфера приложения трудовых усилий с выявленной Чаяновым весьма специфической мотивацией. Но ее роль от этого в глазах трудового крестьянства ничуть не уменьшалась. Главное же заключается в том, что, по его словам, наемный труд в сельском хозяйстве оказывается «менее приложим и производителен, чем труд самого земледельца».

Не придавая значения тому, что вопрос о земле не сводится для российского крестьянина к экономической выгоде, Ленин остается фактически в плену вытекающих из идеологии марксизма европоцентристских теоретических представлений о собственности и производной от нее классовой дифференциации. Его ничуть не смущает то обстоятельство, что необъяснимое стремление крестьян к «понижению уровня своих потребностей», кажущееся, по словам С.Г Кара-Мурзы,

затяжным⁹ приступом коллективного помешательства, объясняется не косностью их мышления, а исторически обусловленной системой жизненных ценностей, в силу которой «главные ценности буржуазного общества - *индивидуализм и конкуренция* - в среде крестьян не находили отклика, а значит, и институты буржуазного государства и нормы буржуазного права для подавляющего большинства народа привлекательными не были». На деле, отмечает в этой связи С.Г. Кара-Мурза, «образ жизни крестьянина (общинного или кооперированного) предоставляет человеку такие блага, которых не компенсирует более высокий денежный доход батрака».²¹

Страдая от недостаточного развития капитализма, российское крестьянство, тем не менее, в массе своей, как показал ход столыпинских реформ, противилось попытке *радикального* внедрения капитализма в земледелии, т.е. «повальной приватизации». Ленин объясняет это тем, что в решаемые ими задачи не входила ликвидация помещичьего землевладения, т.е., по его словам, противоречивая «политика Столыпина делает *еще шаг вперед по «прусскому» пути*».²² Однако с этим утверждением согласиться можно лишь отчасти. Если отвлечься от свойственной Ленину идеологической риторики, возлагаемые им надежды на переход к аграрному строю по «американскому» образцу были чрезвычайно близки и замыслу идейного вдохновителя и организатора разрушения общины, но бесконечно далеки от реальных чаяний российского земледельца.

Чтобы трудиться с полной отдачей, российский крестьянин не нуждался в приобретении «исторического опыта частной собственности» по западноевропейскому или американскому образцу. Причина свойственной ему во многом альтернативной мотивации - в том, что важная роль принадлежала трудовому праву. Соответственно, и *борьба крестьянства носила антибуржуазный характер лишь постольку, поскольку утверждение капитализма, «цепляя» за собой остатки феодально-крепостнических пережитков, не было в то же время органичным влечением в структуру цивилизационного архетипа, как это имело место на Западе. В конечном счете, именно этой причиной, а не имевшими место административными злоупотреблениями и*

недостаточностью финансирования объясняются весьма скромные достижения превозносимых сегодня столыпинских реформ, позволяющие говорить об их провале в целом.

В интересах объективности исторического анализа следует, наверное, учитывать и тот факт, что *субъективно* Столыпин искренне желал процветания Российской империи и этим принципиально отличался от идущих по его стопам современных отечественных «реформаторов» радикально-либерального толка, движимых исключительно корыстными побуждениями. Однако реформы не могли увенчаться успехом не только потому, что «американский» вариант должен был создать новую опору самодержавия с его неизменными атрибутами (в том числе и с помещичьим землевладением), но уже по той простой причине, что «Столыпина не поддерживали даже те крестьяне, которые выделились на хутора и отруба (одно дело личная выгода, другое - поддержка смены всего уклада деревни)». ²³ Проводившаяся им аграрная реформа не была *оптимальным* для России выходом из кризисной ситуации, поскольку, не разрешая существующих противоречий, продуцировала новые.

Выявляя в своем анализе главным образом различия по *степени* развития западного и российского капитализма, Ленин настаивает на их принципиальной близости. Он считает необходимым подчеркнуть, что «западно-европейские и русские марксисты сходятся в оценке» всех явлений эталонного «пролетаризирования крестьянства» (заглавие VIII гл. книги Каутского «Аграрный вопрос»), не говоря уже «об одинаковой оценке *исторического* значения земледельческого капитализма».

«Развитие капитализма в России» выглядит под его пером как процесс не только глубоко закономерный (а, следовательно, и безальтернативный), но и как по своим принципиальным параметрам уже ничем не отличающийся от магистрального западного пути. «Интересно отметить, - пишет Ленин, *до какой степени тождественны* основные черты этого общего процесса в Западной Европе и в России, *несмотря на громадные особенности* последней как в экономическом, так и во внеэкономическом отношении». ²⁴ (Курсив мой. - М.К.)

Правомерность такого подхода оспаривает все тот же С.Г. Кара-

23 Кара-Мурза С.Г. Указ. Соч. С. 24.

24 Ленин В.И. Развитие капитализма в России. С. 7.

Мурза, отмечая, что «первое главное положение книги Ленина «Развитие капитализма в России», в котором постулируется именно схожесть этих процессов, является, видимо, ошибочным. Во всяком случае, оно не могло выдвигаться как постулат, а должно было предлагаться лишь как гипотеза. Если так, то неверен или необоснован был и прогноз исхода русской революции, которая якобы предопределяла выбор между двумя западными путями развития - «прусским» или «американским».²⁵ «Российский» вариант движения в капиталистическом направлении, действительно, следовало бы, скорее, поставить *в один ряд* с ними, ибо его уникальность состоит в том, что в России, в отличие от Западной Европы, рыночные отношения в сельском хозяйстве, вытесняя общину, способствовали не столько ее полной ликвидации, сколько переходу в новое качество - коллективное предприятие кооперативного типа. Усилиями же отечественных, как прошлых, так и нынешних «реформаторов» ей была уготована участь страны *периферийного* капитализма.

Трагическая по своим последствиям в экономике и духовной жизни страны судьба российского крестьянства показательна в качестве иллюстрации *несостоявшегося* органичного прорыва к индустриальному обществу, - российской «самобытности», не получившей должной научной оценки и сегодня. Дело в том, что *эволюция крестьянского хозяйства отторгала не рыночные отношения как таковые, а навязываемые ему попытки либо разрушения национально-специфической формы адаптации к ним, либо искусственной консервации «самобытности» в виде «первобытного коммунизма».*

И потому сформулированный И.М. Супоницкой вывод о том, что *«крестьяне не смогли перенести трудностей перехода к рынку, что обернулось трагедией для всей страны - системным коллапсом 1917 г.»*,²⁶ - принципиально ошибочен. По сути, он служит оправданием как социалистического экспериментаторства, так и современной столь же разрушительной политики «повальной» приватизации. Представители отечественного ортодоксального либерализма исходят из того, что «моральная экономика» традиционного общества не способна успешно

25 Кара-Мурза С.Г. Указ. Соч. С.78.

26 Супоницкая И.М. Успех и удача: отношение к труду в американском и российском обществе // Вопросы философии. 2003. № 5. С. 50.

интегрироваться в рыночную стихию. Но выше уже отмечалось, что опыт динамично развивающегося Востока доказывает обратное.²⁷

Конечно, в цивилизационном измерении «органичность» капитализма коллективистской (общинной) системе ценностей выглядит не только относительной, но и весьма противоречивой. Однако, оставаясь на твердой почве научного знания, капиталистический способ производства (точнее - рыночные отношения) не следует ни идеализировать, ни демонизировать. Ленин же «побивает» народников с помощью представленного в марксизме *идеологически* интерпретируемого научного знания и потому его собственная теоретическая позиция весьма уязвима.

Наряду с издержками догматически-упрощенной «классической» постановки аграрного вопроса весьма сомнительными в плане доказательности предстают и ленинские ссылки на «учение Маркса о мелком земледелии».

В традиционной апелляции народников к известному тезису Маркса о «морали истории» из III тома «Капитала» Ленин усматривает лишь их неуклюжую «оригинальную попытку» опровержения прогрессивной исторической роли земледельческого капитализма в России. То обстоятельство, что Маркс рассматривает «земледелие с иной [по мнению Ленина, безусловно верной, но как бы абстрактно-отвлеченной. - М.К.] точки зрения», - уводит в сторону от поставленной проблемы, ибо то, «что капитализм несовместим с рациональной постановкой земледелия (а также и промышленности), - это давно известно, и не об этом идет спор с народниками».^{28 29}

Маркс, действительно, выводит из присущих аграрному капитализму внутренних противоречий неизбежность исторических пределов

²⁷ «Эпоха постмодерна, - отмечает в этой связи О.А. Сергеева, - *разбила дихотомию* традиционного и индустриального общества... Именно *синтез традиционализма с технократизмом способствует техническому прорыву*, чего нет в условиях *подражательной* стратегии, *разрушения* традиционной ценностно-нормативной системы. Сохранять динамичный творческий характер цивилизационная система может только при наличии жизненного ядра культуры, который находит выражение в самобытности, традиции, специфике культурного развития. Внешние достижения легче воспринимаются и усваиваются без потери творческого начала через социокультурный код наличной цивилизации. Без прикрепленности к культурной традиции заимствования остаются набором *утилитарных* или *идеологических* (прежде всего политических) элементов *вне системной организации* социума и поэтому *не обладают внутренним источником развития*... Как показывают современные исследования, все прорывы в области экономики в двадцатом веке нельзя объяснить, ограничиваясь обращением только к экономике, *экономическое чудо есть следствие стратегии, принятой с учетом культурных особенностей территории, менталитета и ценностных ориентаций населения*».²(Сергеева О.А. Особенности современных цивилизационных процессов. М., 2002. С. 21-22. Курсив мой. - М.К.)

²⁸ Ленин В.И. Развитие капитализма в России. С. 323.

²⁹ Маркс К. Капитал // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т.26. Ч. II. С. 172.

парцеллярного ведения хозяйства. Однако, в отличие от Ленина, ограничивающегося добросовестным, на первый взгляд, воспроизведением причин гибели последнего, в логике его рассуждений фигурирует понятие *земельной собственности*, упрочившееся в сознании и западноевропейских, и американских аграриев (в виде «иллюзии, будто сама земля имеет стоимость и потому входит как капитал в цену производства продукта, подобно машине или сырому материалу»), но практически почти полностью отсутствующее у российского крестьянства. Составляя, по словам Маркса, «один из специфических недостатков мелкого земледелия там, где оно связано со свободной собственностью на землю...»² (курсив мой. - М.К.), финансовые издержки такого рода представляют собой «в действительности капитал лишь в себе», т.е. «омертвляются» на неопределенно долгое время, что ведет не к расширению, а к сокращению экономической базы воспроизводства.

Пафос аргументации Маркса, демонстрируемый на материале западноевропейской истории, но весьма созвучный настроениям народников,

недвусмысленно определяется, следовательно, критикой **мелкой земельной собственности**, создающей препятствия прогрессивному развитию

производительных сил. В свою очередь, «вся критика *мелкой земельной собственности*, - по его словам, - в конечном счете сводится к критике *частной* собственности как *границы* и *помехи* для земледелия. К этому же сводится и *вся противоположная* критика *крупной* земельной собственности. Конечно, - делает Маркс оговорку - мы здесь для обоих случаев *оставляем в стороне побочные политические соображения* [которые Ленин главным образом и артикулирует. - М.К.] Эта *граница* и эта *помеха*, которую *всякая частная* собственность на землю ставит земледельческому производству и *рациональному* возделыванию, сохранению и улучшению самой почвы, развивается и здесь и там только в различных формах, и *в спорах об этих специфических формах зла забывается его основная причина*».³⁰ (Курсив мой. - М.К.)

Отношение Маркса к частной собственности на землю как к неизбежному «злу» в *любой* ее форме лишает, таким образом, каких бы то

30 Маркс К. Капитал // Там же. Т.25. Ч. II С. 378.

ни было иллюзий привлекательность не только мелкой, но и *крупной* земельной собственности. *Логика этого вывода поразительно точно совпадает с традиционализмом мышления российского крестьянина в его стремлении к реализации уравнительно-трудового права владения землей.* Выражая требование *социализации всей земли*, ставшее программным лозунгом революции 1905 года, народники именно «в *этом отношении*» при всей однобокости их теоретических взглядов на сущность социально-экономических преобразований в деревне, покушаясь на стройную идеологическую конструкцию, моделируемую по западному образцу, оказывались в то же время в «опасной» близости к авторитету основоположника марксизма.

Парадоксальность сходства в оценке феномена «самобытности» российского земледельца народниками и Марксом была обусловлена совпадением цивилизационного и формационного измерений исторического процесса (выражающим диалектику особенного и общего), которые у Ленина плохо «стыкуются» друг с другом. Недоверие Маркса, а равно и западноевропейских марксистов к крестьянству как движущей силе революционных преобразований имело под собой достаточно вескую в *идеологическом* плане подоплеку ввиду несомненной собственнической ориентации западных аграриев. Имея это в виду Маркс, использующий в «Критике Готской Программы» (1875 г.) термин «революционная диктатура пролетариата», не упоминает о крестьянстве, хотя «*трудящийся народ*» в Германии состоит, - по его словам, - *в большинстве из крестьян, а не из пролетариев*.¹ (Курсив мой. - М.К.) Он именно потому и возлагает особые надежды на российских крестьян, что они, как правило, не являлись ни «мелкими капиталистами», ни «земельными собственниками».

Озабоченный решением задачи формирования социальной базы пролетарской революции и потому неприязненно относящийся ко всяким проявлениям «артельного начала» в хозяйственной жизни крестьянства, Ленин по существу догматически (особенно на первых порах) переносит представления о крестьянстве западноевропейских марксистов на российское крестьянство. Последнее в массе своей собственниками земли не являлось даже после столыпинских реформ и, более того, в своих радикальных требованиях не шло дальше стремления к *уравнительному* ее распределению на основе трудового права.

Постановка «вопроса о форме крестьянского *землевладения*» приобретала, следовательно, *принципиальное*, а отнюдь не третьестепенное значение. Ленин же мотивировал свою «ортодоксальную» позицию в его постановке и решении якобы уже состоявшимся социально-классовым расслоением деревни. Он, разумеется, не «идеализирует» (т.е. не приукрашивает) капитализм, но к вопросу «о форме крестьянского землевладения» в России относится, по собственному признанию, «очень равнодушно».

«Благополучно» пережив ожесточенные классовые баталии XX в., современный социализирующийся капитализм всей логикой своей эволюции подтверждает вывод Маркса о том, что «земельная собственность отличается от остальных видов собственности тем, что на известном уровне развития она представляется излишней и вредной, *даже с точки зрения капиталистического способа производства*».² (Курсив мой. - М.К.) Принципиальная несовместимость «рационального земледелия» с частнособственнической формой землепользования проявляется в том, что *капитализм делает несомненный шаг вперед в направлении устранения этого «вредного» атрибута*. Стремление земельных собственников использовать сельскохозяйственные земли не по прямому назначению (в частности, для промышленного и жилищного строительства) и спекуляция ими с целью максимизации прибыли в значительной степени пресекаются в практике государственного регулирования земельных отношений - как экономического³¹ ³² (налогового и финансового), так и административного. В большинстве стран и европейского, и американского континентов, как отмечает Е.С. Строев, уже на протяжении многих десятилетий достаточно последовательно реализуются законодательные акты, направленные на ограничение и даже *исключение* права владельца свободно покупать и продавать землю.¹ Тем самым, если не прямо, то косвенно признается необходимость *оптимального* сочетания различных (включая *государственную*) форм собственности, а также положения об обязательном *эффективном*, т.е., по выражению Маркса, «нормальном общественном пользовании землей» и ее недрами.

В неприятии российским крестьянством частнособственнической

31 Маркс К. Критика Готской программы // Там же. Т 19.С. 26.
32 Маркс К. Капитал // Там же. Т.25. Ч. II. С. 172.

мотивации по отношению к земле Ленин убедился уже под влиянием революционных событий 1905-1907 гг, т.е. тогда, когда рассматривал победу над народниками теоретически и фактически состоявшейся. В значительной мере поэтому претерпев ощутимые изменения, ленинские убеждения на новом витке исторической спирали парадоксально сблизилась с платформой «друзей народа». Начиная с 1908 г, меняется и ленинская тональность в оценке «исторического содержания народничества».

Теперь объектом беспощадной ленинской критики становятся меньшевики, которые в «неверной доктрине» патриархального эгалитарного социализма «доктринерски просмотрели» наличие «теории массовой *мелкобуржуазной* борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего, капитализма «американского» против капитализма «прусского». Совершенно очевидно, однако, что причислять народников даже к «невольным» сторонникам «американского» развития аграрного капитализма» было, по меньшей мере, большой идеологической натяжкой, ставящей под сомнение правомерность всей остроты прежнего спора с ними российских марксистов. Тем более, что в своем неприятии буржуазных порядков народники, по словам самого Ленина, оперировали «слишком узким понятием «капитализма», *смешивая* его с «английской формой».

С идеологически-односторонней (ортодоксальной) точки зрения, ограничивающейся *объективными результатами* деятельности «друзей народа», Ленин *формально* (в рамках все той же «классической» постановки аграрного вопроса российскими марксистами) был прав. Народники, разумеется, всегда являлись оппозиционно настроенной по отношению к самодержавию³³

общественно-политической партией. Их борьба за интересы крестьянства также вливалась в русло общедемократического движения, конечной целью которого была ликвидация всех остатков крепостничества, а, следовательно, окончательное утверждение капитализма. Но сводить, руководствуясь этой достаточно абстрактной формулой, «исторически реальное и прогрессивное историческое содержание народничества» к «теории массовой мелкобуржуазной борьбы капитализма

33 См.: Строев Е.С. Фундаментальные проблемы аграрных преобразований в России в XX веке // Вопросы философии. 1998. № 8.С. 10, 13.

демократического против капитализма либеральнопомещичьего»,² - значило списывать в разряд теоретических ошибок и ту несомненную *историческую правоту*, которая была представлена в «историческом содержании народничества».

Все дело как раз в том, что из существа народнических воззрений следовал теоретически должным образом неотрефлексированный вывод о возможности *иного, отличного от предусматриваемых «классической» постановкой* вопроса пути развития, траектория которого стихийно определялась всем ходом эволюции крестьянского земледелия и была теоретически обоснована Марксом в виде «кооперативного и согласованного труда» на базе *коллективной собственности*.

Примечательна в этой связи ссылка А.В. Чаянова на значение генерированной в содержании социально-реформаторской деятельности народников кооперативной идеи. «Действительно, - пишет он, - если отбросить бытовые формы кооперации в виде супряги, артелей и проч., то необходимо признать, что первые шаги кооперативного движения, по крайней мере у нас в России, обязаны энергичной проповеди энтузиастов народничества, приносивших в деревню в своем сознании готовые кооперативные системы и осуществлявших их с настойчивостью и прямолинейностью просвещенного абсолютизма».³⁴

Заявляя об «искусственности» капитализма в России (измеряемого российскими марксистами исключительно полнотой его соответствия либо «прусскому», либо «американскому» образцу), народники не только с *идеологической*, но отчасти, как это ни парадоксально, и с научно-теоретической точки зрения были гораздо ближе к истине, связывая российскую модель экономического и духовно-нравственного развития с эволюцией общины по некапиталистическому (по сути, кооперативному) пути: *в абстрактном (внеисторическом) представлении о социализме воплотилось неприятие исторически конкретных форм западного капитализма.*

Озвученный в революционный период «во весь голос» аграрный вопрос заставил Ленина с гораздо большим вниманием и уважением отнестись к роли крестьянства как основного действующего «лица» разыгравшейся драмы. В то же время движущие революционные мотивы

34 Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации // Избранные произведения. С.

крестьянской массы с ее преимущественно общинным самосознанием он интерпретирует весьма произвольно.

Будучи инициатором революционной борьбы за устранение остатков крепостничества, российское крестьянство, конечно, не поднималось до высоты теоретического осознания всех ее исторических перспектив как с либеральной, так и с марксистской точек зрения. Однако «конкретный анализ положения и интересов» крестьянства не дает оснований и для утверждения о том, что оно «инстинктивно» разделяло столь значимую для Ленина идеологическую установку ортодоксального марксизма на «раскрестьянивание». Совершенно очевидно, что выдвигаемый Лениным в качестве основного и представлявший ему теоретически безупречным *идеологический* аргумент в пользу американского «типа капиталистической эволюции», *«теоретически»* (и - главным образом - практически) мог вызывать симпатии только у «сельской буржуазии», стремящейся к «власти денег».

Если согласиться с тем, что «более или менее *решительно*, более или менее *последовательно*, более или менее *сознательно* к этому исходу стремится не только пролетариат, но и *широкие крестьянские массы»*¹ (курсив мой. - М.К.), придется признать побудительным мотивом крестьянства в революционной борьбе его... *самоликвидацию*. Но даже «батраки с наделом» - эти, по классификации Ленина, «типичнейшие представители» сельского пролетариата, - стремились не столько «избавиться» от «обременяющих» их «клочков земли» («разрушая» тем самым целостность марксистской идеологической парадигмы), сколько утвердиться в качестве полноценных участников семейного трудового хозяйства. Столь же «необъяснимым», как было отмечено выше, образом и для западноевропейских, и для российских марксистов мелкие крестьяне предпочитали реальное «понижение» собственных потребностей «перспективному» переходу в ряды «самого передового класса».

Продвинувшись дальше меньшевиков в понимании *революционных* потенций крестьянства, Ленин использует этот достаточно убедительный *формальный* повод для упрека в догматизме и «оппортунизме» по адресу инакомыслящих марксистов: ³⁵ последние по-прежнему придерживались общей с западной социал-демократией (у которой, как было отмечено

35 Ленин В.И. Развитие капитализма в России. С. 16.

выше, были на то веские основания) весьма «скромной» оценки революционного потенциала стратегического союзника пролетариата. Правда, столь «емкое» обвинение (связанное «с доктринерским упрощением, опошлением, извращением буквы марксизма, изменой духу его») все же не вполне соответствовало действительному «составу преступления». Меньшевики именно потому *«изменили»* в данном вопросе «духу» марксизма, что *сохранили* столь же формальную (правда, в большей степени, чем Ленин), верность «букве» его.

Вместе с тем, вносимые Лениным в базисную идеологическую парадигму марксизма коррективы не предполагали отказ от принципа абсолютной приоритетности идеологии и политики по отношению к научному знанию, поскольку не только ничего не меняли в прогнозировании исторической судьбы российского крестьянства, но служили дополнительным аргументом в пользу упрочения прежней ортодоксальной точки зрения. В соответствии с ней «непосредственному производителю» в земледелии была уготована та же участь, что и промышленному пролетариату: стать составной частью движущих сил, призванных смести капитализм со всеми его атрибутами с лица земли. Для решения этой грандиозной исторической задачи «окончательное утверждение национального пути капитализма» в России Ленин связывает с предпочтительностью «американского» варианта именно потому, что в случае его реализации итогом политики «раскрестьянивания» явилась бы боеспособная многомиллионная армия революции, состоящая из лишенных собственности «пролетариев», которым уже «нечего терять».

Не удивительно поэтому что диктуемые логикой капитализации процесс обезземеливания крестьянства и растущая пролетаризация всего населения, ведущие к критической точке в классовом противостоянии, вселяли в Ленина «исторический оптимизм». В свете исторически неизбежной, как полагали тогда все марксисты, тотальной пролетаризации его все же явно не удовлетворяют «естественные» темпы этого процесса и потому он болезненно воспринимает любые попытки в направлении «столь обильных в России стремлений *сгладить* классовую борьбу в деревне».

Вместе с тем, купленный впоследствии ценой кровопролитной гражданской войны долгожданный союз рабочего класса и беднейшего

крестьянства так и не развеял до конца ленинские сомнения по поводу пролетарской *идентичности* «социализируемого» крестьянства. Ведь оно, несмотря на произведенную классовую «зачистку», по-прежнему оставалось *по природе своей* «мелкобуржуазной стихией, ежечасно рождающей капитализм», т.е. в лучшем случае «полупролетариатом».

Ленинский лозунг «диктатуры пролетариата *и крестьянства*» (пришедший на смену тезису об «условной» поддержке последнего) явился, таким образом, «новым словом» лишь в идеологической транскрипции марксизма. В свою очередь, частичная переоценка исходной европоцентристской установки подавалась на языке советского официоза в качестве убедительной иллюстрации доказательства *адаптации* марксистской теории к специфическим условиям России.

Как бы то ни было, важнейший урок, усвоенный Лениным из опыта первой русской революции, заключался в осознании того, что во имя сохранения цивилизационной идентичности (т.е. самозабвенно отстаиваемой народниками «самобытности»), даже в ее односторонне понятом - идеологическом - измерении, Россия не могла безоглядно следовать в фарватере Запада.